

На правах рукописи

Ларин Юрий Викторович

**Мировоззренческо-методологические основы постижения культуры:
проблема концептуализации**

24.00.01. – Теория и история культуры

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук**

Тюмень – 2004 г.

Диссертация выполнена на кафедре культурологии Тюменского государственного института искусств и культуры

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор Губин Валерий Дмитриевич
доктор исторических наук, профессор Еманов Александр Георгиевич
доктор философских наук, профессор Полищук Виктор Иванович

Ведущая организация: Уральский государственный университет имени А.М. Горького

Защита состоится 17 декабря 2004 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.274.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук при Тюменском государственном университете (625003 Тюмень, ул. Перекопская 15а, ауд. 215)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Тюменского государственного университета

Автореферат разослан 12 ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор философских наук,
профессор

Халин С.М.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. По мере своего развития культура все более и более перемещается на авансцену человеческой истории. Явления, свойственные данному процессу, так же как и наблюдающийся крайний «разброс» их оценок и интерпретаций, делают задачу ее осмысления в особенности необходимой и актуальной.

С одной стороны – чуть ли не трюизм – констатации «кризиса культуры», особенно на фоне реалий последнего века минувшего тысячелетия, которые к ней, культуре, в ее собственном смысле, казалось бы, никакого отношения не имеют и, в крайнем случае, могут быть истолкованы как извращения самой природы человека: мировые войны, социальные революции и потрясения, господство тоталитарных режимов, терроризм, угроза ядерного апокалипсиса и всеобщей экологической катастрофы, вымирание от голода и болезней миллионов людей, пароксизмы бескультурья и крайних форм вандализма и т.д., и т.п. (И. Хейзинга, П.А. Сорокин, Э. Левинас, П.А. Сапронов и др.). Достаточно показательным является и разрабатываемый в самых разнообразных формах постмодернистский постулат о «закате» и даже «смерти» человека как субъекта, «автора» современной культуры, под репрессивным воздействием этой самой культуры (Р. Барт, М. Фуко и др.).

С другой стороны, целый ряд исследователей считает возможным занимать в этом отношении более оптимистичную позицию, настаивая на необходимости признать в качестве состоявшегося и вполне очевидного факта не только «решающий сдвиг от социально-структурной к социально-культурной истории» (Л.П. Репина), но и, более того, «всеобщность» культуры как основы бытия человека в мире (В.С. Библер, В.П. Визгин и др.).

Что представляет собой культура как понятие и как реальность? Каков исходный принцип ее сущностного постижения? Каково ее место в системе бытия как такового? Каковы ее собственные формы бытия и механизмы воспроизводства? Каковы ее истоки, возможности, угрозы и перспективы? Присущи ли культуре какие-либо специфические особенности, которые бы ограничивали или вообще исключали возможность ее научного постижения? – Таков далеко не полный перечень вопросов, императивно требующих решения.

Современное состояние разработки проблематики, связанной с изучением культуры, способно поразить даже самое смелое и богатое воображение. Достаточно отметить, что только для фиксации представленных в литературе определений культуры необходимо, пожалуй, уже четырехзначное число. Данное обстоятельство можно, как это чаще всего и делается, оценивать в качестве положительного, говоря о «многогранности», «всеохватности» и т.п. этого термина. При этом,

однако, невольно возникает целый ряд весьма и весьма не простых вопросов. Как возможна наука, претендующая на выявление закономерностей изучаемого предмета, при такой его неопределенности и расплывчатости? Если справедливо мнение о том, что «движение» науки, взятое в его собственной внутренней определенности, есть, в конечном счете, не что иное как процесс развертывания ее исходного понятия, то не находится ли культурология как наука о культуре в плохо осознаваемом кризисе? Может быть, если говорить по существу, речь должна идти уже не только и не столько о «многообразии интересов», сколько о вполне определенных трудностях и проблемах современного состояния научного постижения культуры?

Не разделяя, даже сколько-нибудь отдаленно, стремления драматизировать ситуацию, следует все же отметить, что мировоззренческо-методологические основы изучения культуры настоятельно требуют рефлексии на предмет их концептуализации. Более того, по мере развития любой науки ее внутренняя потребность в рефлексии относительно своих оснований не только уменьшается, но и, наоборот, возрастает. Всякое действительное движение вперед здесь с необходимостью предполагает постоянное возвращение к своим собственным первоисточкам, их воспроизводство и развитие. Культурология как наука в этом отношении, очевидно, не может быть исключением.

Степень разработанности темы. Анализ освоенной автором отечественной и зарубежной литературы позволяет выделить четыре достаточно определенно сложившихся направления концептуального представления культуры: теоцентризм, натуроцентризм, социоцентризм и антропоцентризм.

В рамках теоцентристского направления культура трактуется как реализация сверхъестественных, божественных сил; основа ее возникновения и развития усматривается в разнообразных формах культовой деятельности; ее подлинным субъектом, носителем считается та или иная религиозная общность; основной чертой – сакральность; основной формой бытия – символ; основной функцией – сигнификационная, или символическая (Ж. Маритен, П. Тейяр де Шарден, П. Тиллих, В.С. Соловьев, В.В. Розанов, П.А. Флоренский, И.А. Ильин, А.В. Мень, П.А. Сапронов и др.).

В рамках натуроцентристского направления культура трактуется как реализация естественных, природных сил; основа ее возникновения и развития усматривается в разнообразных формах биофизических процессов; ее подлинным субъектом, носителем считается та или иная природная общность; основной чертой – витальность; основной формой бытия – вещь, или «артефакт»; основной функцией – защитная, или жизнеобеспечивающая (Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон, Г. Зим-

мель, З. Фрейд, О. Шпенглер, Дж. Фейблман, Л.Н. Гумилев, А.И. Пушкарь, М.Н. Эпштейн и др.).

В рамках социоцентристского направления культура трактуется как реализация общественных, социальных сил; основа ее возникновения и развития усматривается в разнообразных формах трудовой деятельности; ее подлинным субъектом, носителем считается та или иная социальная общность; основной чертой – социальность; основной формой бытия – норма; основной функцией – нормативная, или регулятивная (К.Г. Маркс, Э. Дюркгейм, К. Леви-Стросс, П.А. Сорокин, А. Моль, Б.С. Ерасов, Л.А. Зеленов, Н.С. Злобин, Л.Е. Кертман, Л.Н. Коган, Э.С. Маркарян, А.А. Радугин, А.Ф. Еремеев, К.Г. Рожко, А.Я. Флиер и др.).

В рамках антропоцентристского направления культура трактуется как реализация сущностных сил человека; основа ее возникновения и развития усматривается в разнообразных формах игровой деятельности; ее подлинным субъектом, носителем считается отдельно взятый человек; основной чертой – элитарность, или индивидуальность; основной формой бытия – ценность; основной функцией – человекотворческая (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, А. де Бенуа, Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, Г. Риккерт, Г. Гессе, П.С. Гуревич, А.В. Павлов, К.А. Свасьян и др.).

Каждое из данных направлений включает в себе достаточно емкий мировоззренческо-методологический потенциал и должно быть со всей тщательностью «взвешено» на предмет свойственной ему претензии быть единственно истинным или более истинным по сравнению с другими. Необходима, следовательно, выработка такой исследовательской позиции, которая позволила бы осуществить данную методологическую процедуру вполне корректно, исходя из достаточно строгого и концептуально выверенного основания. Это тем более важно, поскольку, так или иначе, наблюдаются и разнообразные варианты промежуточных подходов и точек зрения: тео-натуроцентристские (Н.Я. Данилевский), тео-антропоцентристские (Н.А. Бердяев, Г. Марсель,), тео-социоцентристские (А.Дж. Тойнби), социо-натуроцентристские (Л.А. Уайт) и другие, в особенности, социо-антропоцентристские (В.М. Межуев, В.В. Сильвестров, М.Б. Туровский, Э.Е. Платонова).

Проблема диссертационного исследования – концептуализация мировоззренческо-методологических основ постижения культуры; **цель** – разработка «культуроцентристской», системно-синтетической по своему характеру, концепции культуры.

Проблема и цель исследования предопределили постановку и решение следующих его основных задач:

- выявить основные этапы становления научного способа постижения культуры;
- оценив эвристические возможности основных направлений исследования культуры, найти надежное основание для выработки системно-синтетического их представления;
- определить статус культуры в структуре бытия как такового и, исходя из этого, рассмотреть статус и структуру культурологии как науки;
- обосновать возможность системного представления основных форм бытия и функционирования культуры;
- выработать основание для системного представления основных видов культуры и механизмов ее воспроизводства;
- разработать модель становления и развития культуры, позволяющую выявить ее истоки, основные исторические типы и перспективы.

Объектом исследования является наличное многообразие мировоззренческо-методологических основ постижения культуры, а его **предметом** – концептуализация культуроцентризма как системно-синтетического направления, нацеленного на сущностное постижение культуры.

Гипотеза исследования: культура – это некоторая специфическая реальность, обладающая своей собственной сущностью и принадлежащими ей формами бытия, структурой, функциями, механизмами воспроизводства, генезисом, историческими типами, тенденциями и перспективами развития. Сложившиеся направления концептуального представления культуры не могут быть одинаково полностью истинны, но в то же время каждое из них не может быть и абсолютно ложным, содержит в себе определенный «момент истины», который может быть выявлен, удержан и сопряжен с подобными моментами всех других направлений.

Методологические основы исследования. Концептуализация мировоззренческо-методологических основ постижения культуры предполагает использование такой методологии, которая учитывала бы уровень сложности проблемы. Как следствие, в диссертации сочетаются два основных подхода: деконструктивный и диалектический. Первый, понимаемый как рефлексивно-аналитическое отношение к наличному многообразию мировоззренческо-методологических основ постижения культуры, позволяет привести каждую из рассматриваемых точек зрения к ее так или иначе проявляющимся основным концептам; выявить меру ее методологической проработанности и адекватности исследуемому содержанию. Второй, понимаемый как рефлексивно-синтетическое отношение к содержанию исследуемого предмета, позволяет реализовать достаточно широкий набор методологических принципов, необходимых для достижения цели исследования: объектив-

ности, тождества противоположностей, взаимосвязи, развития, всесторонности, системности, конкретности истины, единства абстрактного и конкретного, логического и исторического и т.п.

Научная новизна исследования определяется как самой сущностью авторского подхода к рассмотрению проблемы, так и содержанием вытекающих из него основных положений и выводов. Названная выше цель исследования, конкретизируемая в целом ряде его задач, ранее другими авторами специально не ставилась. Диссертация является первой системно-синтетической концептуализацией «культуроцентризма» как мировоззренческо-методологической основы постижения культуры в качестве исходного, центрального и предельного понятия.

Автор полагает, что элементами новизны в настоящей работе является также то, что в ней:

- с учетом последних достижений в области методологии науки рассмотрено становление и место культурологии как науки о культуре в общей системе современного научного знания, выявлена ее внутренняя и внешняя структура;

- исходя из единых параметров, определено и изложено концептуальное содержание основных направлений, сложившихся в изучении культуры, предложено основание их системно-синтетического представления;

- выявлены основные подходы к определению онтологического статуса культуры; в качестве методологического требования сформулирован исходный принцип ее сущностного постижения как многообразного, но неразрывного в своих проявлениях единства материального и духовного;

- проанализированы подходы и выработано единое основание для определения основных видов культуры и механизмов ее воспроизводства;

- предложена «троичная» структура человеческой деятельности, исходя из которой выявляется неразрывное единство культуры как субъективированного объекта и объективированного субъекта, характеризующее специфический способ ее бытия;

- проанализированы подходы и выработано единое основание для системного представления основных форм бытия и функционирования культуры;

- в сопряжении с представлением о биосоциокультурной природе человека и в соответствии с триадой «единичное – особенное – общее» разработана общая модель становления и динамики развития культуры.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. В становлении культурологии как науки о культуре выделяются четыре основные стадии: формирование исходных предпосылок (до середины XVII века) – фиксация и описание отдельных разнообразных форм проявления культуры; на-

чало процесса становления (середина XVII века) – выделение культуры в качестве самостоятельного объекта изучения; собственно процесс становления (середина XVII века – семидесятые годы XIX века) – формирование предметных и методологических основ изучения культуры; оформление (семидесятые годы XIX века) культурологии как науки, имеющей свой собственный предмет, исходный методологический инструментарий и некоторую совокупность базисных понятий.

2. В системе современного научного знания может быть выделено четыре основные подсистемы, каждая из которых имеет предметом своего изучения один из основных видов бытия как такового: естествознание (естественные науки), предметом изучения которого является природа; социология (социальные науки), предметом изучения которой является общество; антропология (гуманитарные науки), предметом изучения которой является человек; и культурология (науки о культуре), предметом изучения которой является культура.

3. Структуризация культурологии предполагает два основных «среза»: внутренний (метатеоретическая культурология, или философия культуры; теоретическая культурология, или теория культуры; эмпирическая культурология, или феноменология культуры) и внешний, формирующийся как результат взаимопроникновения культурологии и естествознания (экология культуры и культурная экология, география культуры и культурная география), культурологии и социологии (культурная социология и социальная культурология), культурологии и антропологии (культурная антропология и гуманитарная культурология). Историю культуры (историческую культурологию) вполне логично рассматривать, во-первых, как собственно культурологическую дисциплину, во-вторых, – как «переходную» между теорией культуры и феноменологией культуры.

4. При всей своей «несводимости друг к другу» основные направления изучения культуры могут быть поняты как имеющие один и тот же объект, но на разных уровнях его предметного постижения. Будучи изначально результатом реализации сущностных сил человека («истина антропоцентризма»), культура является основой его бытия в мире и, тем самым, реальностью, опосредующей взаимодействие человека и с природой («истина натуроцентризма»), и с обществом («истина социоцентризма»), выступая одновременно предпосылкой его становления и развития как существа «заданного» самим собою самому себе в качестве своего собственного «идеального проекта» («истина теоцентризма»), – таковы возможные контуры «культуроцентризма» как искомого синтеза основных направлений постижения культуры.

5. Как один из основных видов бытия, культура в своем исходном сущностном определении есть единство материального и духовного, а каждый ее вид –

практический (в модусах блага и справедливости), ценностно-ориентационный (в модусах добра и красоты), познавательный (в модусе истины), – будучи специфическим единством того и другого, есть результат деятельной реализации соответствующей сущностной силы человека.

6. Поскольку в «S – OS/SO – O»-модели человеческой деятельности культура по способу своего бытия и функционирования есть в своей асимметричной «двухипостасности» единство объективированного субъекта и субъективированного объекта, следовательно, и любая ее форма – «вещь», «норма», «ценность», «символ» – также должна быть понята и представлена как единство того и другого, а специфика каждой из них – как тот или иной вид этого единства;

7. Среди возможных моделей, позволяющих выявить становление, основные исторические этапы и возможные перспективы развития культуры, наиболее емкий эвристический потенциал присущ модели, несущую конструкцию которой составляет представление о биосоциокультурной природе человека, разворачивающейся в историческом контексте в соответствии с триадой «единичное – особенное – общее».

Апробация основных результатов исследования. Результаты диссертационного исследования представлены в двух авторских монографиях «Пролегомены к культурологии» (Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2002. – 144 с.) и «Онто-логика культуры» (Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. – 164 с.), в главе первой «Эпистемология культуры» и главе второй «Онтология культуры», опубликованных автором в коллективной монографии «Культура и ее виды» (Тюмень: Вектор Бук, 2002. – С. 3-51), а также в коллективном учебно-методическом пособии «Бытие и небытие» (Тюмень: Издательство ТГИИК, 2004 г.). Положения и основные идеи исследования отражены в статьях, докладах и сообщениях автора на научных и научно-практических конференциях, среди которых – Международная конференция «Проблемы культурогенеза и культурное наследие» (Санкт-Петербург, 1993 г.), Международная научная конференция «Межкультурные коммуникации как фактор открытости региональной культуры» (Томск, 15-17 октября 2003 г.), Международная научно-техническая конференция «Нефть и газ Западной Сибири» (Тюмень, 12-13 ноября 2003 г.), I Международная научная конференция «Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия» (Нижневартовск, 17-18 декабря 2003 г.), Интернет-конференция «Историческая культурология: предмет и метод», организованная Институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия и Российским институтом культурологии Министерства культуры РФ с 1 ноября по 30 декабря 2002 года на информационно-образовательном портале www.auditorium.ru.

II Всероссийская конференция «Культура как способ бытия человека в мире» (Томск, 12-14 октября 1998 г.), Всероссийская конференция «Загадки жизни и парадоксы познания» (Тюмень, 31 мая 2003 г.), Всероссийская конференция «Язык культуры и культура языка» (Тюмень, 15-16 марта, 2001 г.), Всероссийская научно-методическая конференция «Культура: личность и общество» (Тюмень, 21-23 марта 1996 г.), Всероссийская научно-методическая конференция «Социальная антропология на пороге XXI века» (Москва, 20-21 ноября 1997 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Культура Тюменской области: история, современное состояние, проблемы и перспективы» (Тюмень, 15-16 апреля 2004 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Культура. Литература. Искусство. Регион» (Тюмень, 13-14 апреля 2000 г.), Всероссийская научно-практическая конференция «Социокультурные и культурологические аспекты развития Западной Сибири» (Тюмень, 24-26 марта 1998 г.), Республиканская научно-теоретическая конференция «Русская философия и духовная культура современности» (Иркутск, 1991 г.), Российская научная конференция «Человек в истории: теория, методология, практика» (Челябинск, 1998 г.), а также целый ряд региональных, областных и межвузовских конференций.

Две работы опубликованы в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Научно-практическая значимость. Результаты апробации диссертационной работы показывают, что в своем общем виде или в его отдельных положениях «культуроцентризм» как мировоззренческо-методологическая основа постижения культуры находит определенный положительный отклик в научном сообществе.

Материалы диссертационного исследования частично вошли в «План мероприятий по реализации Федеральной целевой программы "Культура России 2000–2005 гг."» (р. № 920-32/72-27).

Результаты диссертационного исследования послужили методологической основой для анализа существующего состояния, разработки концепции, прогноза потребности и плана мероприятий по профориентации, подготовке, переподготовке и повышению квалификации кадров для учреждений культуры юга Тюменской области до 2010 г. (Профессиональное образование в Тюменской области: анализ и прогноз. – Тюмень: Вектор Бук, 2003. – С. 137-154; Профессиональное образование в Тюменской области: программа модернизации. – Тюмень: Вектор Бук. – 2004. – С. 126-133).

Основные положения диссертационного исследования были использованы автором в учебном процессе при чтении базового курса «Философия» для студентов специальностей «Библиотечно-информационная деятельность» и «Социально-

культурная деятельность» Тюменского государственного института искусств и культуры, «Теория и методология культуры» для студентов специальности «Культурология» Тюменского государственного института искусств и культуры, а также при чтении базового курса «Культурология» для студентов специальностей «Библиотечно-информационная деятельность» и «Народное художественное творчество» Тюменского государственного института искусств и культуры и для студентов специальностей «Государственно-муниципальное управление» и «Юриспруденция» Тюменского государственного университета.

Главным итогом, определяющим научно-практическую значимость проведенного исследования, является обоснование мировоззренческо-методологических основ изучения культуры, не только позволяющих органично сохранить достигнутые в этом отношении результаты, но и открывающих возможность целостного и внутренне согласованного ее концептуального представления.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух частей, четырех глав, заключения и библиографии.

Структура диссертации обусловлена необходимостью рассмотрения как эпистемологического (часть первая), так и онтологического (часть вторая) аспектов «культурологизма» как системно-синтетической по своему характеру концептуализации мировоззренческо-методологических основ постижения культуры. В свою очередь, каждый из данных аспектов потребовал сопряжения логического и исторического подходов к рассматриваемой проблематике, что предопределило соответствующее членение частей по главам и параграфам.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обосновывается актуальность темы исследования, определяется степень ее разработанности, формулируются объект, предмет, цель и задачи диссертации, ее методологические основы, научная новизна и практическая значимость. Приведены сведения об апробации работы.

«Проблемным полем» **первой части** диссертации является эпистемологический аспект концептуализации культурологизма. Фокусирующей точкой содержательного наполнения данного поля, является, конечно же, культурология, которая, собственно говоря, и призвана изучать культуру, и именно культуру. Что представляет или может представлять собой культурология как способ постижения культуры? Можно ли считать культурологию наукой и возможно ли в принципе строить ее как науку? Когда и как она возникла? Какое место в общей системе научного знания она занимает? Каков ее предмет и методологический инструментарий? Какова структура культурологии, каковы основные составляющие ее дисцип-

лины, что общего между ними и чем они отличаются друг от друга? – Таков далеко не полный перечень вопросов, требующих рассмотрения.

Глава первая «Культурология как наука о культуре» посвящена рассмотрению предмета культурологии, ее структуры и места в системе современного научного знания.

§ 1.1. Предмет и статус культурологии. В своем исходном предметном определении культурология (от лат. «cultura» и греч. «λογοζ») – наука о культуре.

Ряд исследователей считает культурологию вполне оформившейся в своих основополагающих характеристиках наукой (Л.А. Уайт, А.И. Арнольдов, Б.С. Ерасов, Э.С. Маркарян, В.Е. Носов, Н.В. Шашкова и др.). Не менее значительно число тех, кто, занимая прямо противоположную позицию, не склонен рассматривать ее в качестве таковой (Ю. Шеррер, Э.А. Орлова, В.Л. Рабинович, В.Н. Максимов и др.). Наконец, целый ряд исследователей придерживается в этом отношении более осторожной позиции, считая, что культурология – это уже не «ненаука», но пока еще и не «наука», а некая область знания, становящаяся в качестве научной дисциплины (А.Н. Быстрова, Г.В. Драч, А.И. Кравченко, А.А. Веремьев, В.М. Розин и др.).

Значительные разногласия наблюдаются и в оценках культурологии как учебной дисциплины, будь то общеобразовательного (К.Б. Соколов, В.А. Кутырев) или специально профессионального (Л.П. Воронкова, А.Я. Флиер) характера.

В осмыслении статуса и предметной специфики культурологии возможно два подхода: первый – специальная разработка культурологии как науки и определение на этой основе той или иной возможности вписать ее в общую систему научного знания, второе – общеметодологическая разработка общей модели системы научного знания и определение на этой основе самой возможности культурологии как науки.

В методологических исследованиях, непосредственно связанных с представлением общей системы современного научного знания, вопрос о статусе культурологии и ее предметной специфике практически не ставится, а сама проблема «детальной классификации» научного знания оценивается как «крайне сложная и полностью еще не решенная» (И.С. Алексеев, Б.Л. Губман, Б.М. Кедров, И.Я. Лойфман и др.).

В исследованиях культурологического характера этот вопрос рассматривается, как правило, в рамках какой-либо уже «устоявшейся» модели общей системы научного знания, ограничивающей возможности определения статуса культурологии либо философскими (Е.В. Семенов, С.Н. Иконникова, И.Я. Левяш, А.В. Павлов и др.), либо естественными (Дж. Фейблман), либо гуманитарными (Л.П. Воронкова, А.И. Пигалев, К.М. Хоруженко, Е.П. Чельшев, В.М. Розин, С.Н. Жаров и др.).

др.), либо общественными (Э.С. Маркарян, Б.С. Ерасов, Е.Я. Александрова, И.М. Быховская и др.) дисциплинами, либо тем или иным их «сочетанием» (И.Н. Гнездилова, Б.И. Кононенко, А.И. Кравченко, А.Н. Маркова, Г.В. Драч, А.А. Веремьев, А.Я. Флиер и др.).

Концептуализация данной проблематики, по мнению диссертанта, требует учета двух обстоятельств методологического характера: во-первых, в процессе своего развития система научного знания с необходимостью модифицируется, приобретает качественно новые формы своей организации, обогащается новыми подсистемами и элементами, своевременная фиксация которых, конечно же, довольно трудная, не застрахованная от ошибок и крайностей, но все же необходимая методологическая процедура, предполагающая не только различение «сильной» и «слабой» версий науки, но и выявление специфического способа их синхронизации (А.И. Ракитов, В.Ж. Келле и др.); во-вторых, поскольку наука есть сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности, статус и предметная специфика той или иной науки в общей системе научного знания определяется, в конечном счете, онтологическим статусом той самой реальности, которая и является предметом ее изучения.

В связи с этим со всей серьезностью следует отнестись к тому, что исследования в области онтологии и методологии науки (Г. Риккерт, М.С. Каган, А.А. Крушанов, М.С. Бургин, В.И. Кузнецов, В.В. Савельев и др.) позволяют рассматривать систему современного научного знания как состоящую из четырех основных подсистем, каждая из которых имеет предметом своего изучения один из основных видов бытия как такового, а именно: естествознание (естественные науки), предметом изучения которого является природа; социология (социальные науки), предметом изучения которой является общество; антропология (гуманитарные науки), предметом изучения которой является человек; и культурология (науки о культуре), предметом изучения которой является культура.

§ 1.2. Структура культурологии. Проблема структуризации культурологии (Дж. Фейблман, Л.П. Воронкова, В.М. Межуев, С.Н. Иконникова, Л.Н. Коган, Е.Я. Александрова, И.М. Быховская, Б.С. Ерасов, И.В. Кондаков, Г.В. Драч, А.И. Кравченко, В.М. Розин, А.Я. Флиер и др.) пока еще не получила сколько-нибудь однозначного и общепринятого решения. Специальной рефлексии здесь требует, прежде всего, поиск адекватных оснований данной методологической процедуры.

Диссертант исходит из того, что, если культурология по своему статусу – одна из основных подсистем общей системы современного научного знания, то стано-

вится возможным и необходимым выделение двух основных аспектов ее структуры: внутреннего и внешнего.

Рамки первого аспекта предполагают структурирование культурологии, исходя из ее внутреннего содержания. Главной задачей здесь является проработка основания, критерия такой структуризации. Согласно разработкам В.С. Степина – Д. Шейпира – К. Хукера, поддержанным и развиваемым целым рядом исследователей (П.В. Алексеев, А.В. Панин, С.М. Халин, С.В. Девятова, В.И. Купцов и др.), та или иная область знания как научная дисциплина в своем целостном виде может быть представлена иерархией трех основных уровней: «На верхнем уровне имеется "когерентное множество концептуальных категорий", которое определяет область метафизики, онтологии, применяемой в исследовании. К ней примыкают такие сферы знания, как теория методов, психология восприятия и т.п. Затем расположен уровень собственно теорий и, наконец, уровень экспериментов и наблюдений»¹.

Исходя из этого, во внутренней структуре культурологии как науки могут быть выделены три исходные и основные дисциплины, каждая из которых является конституирующей в пределах соответствующего ей структурного уровня, не будучи при этом тождественной ему абсолютно и предполагая не только дифференциацию внутри себя, но и некоторую совокупность «переходных» между данными уровнями научных дисциплин:

– метатеоретическая культурология (метатеоретический уровень культурологии), или «Философия культуры», задачей которой является разработка мировоззренческих и методологических проблем осмысления культуры как специфического вида бытия;

– теоретическая культурология (теоретический уровень культурологии), или «Теория культуры», задачей которой является выявление и анализ сущности и структуры культуры, форм ее бытия, закономерностей возникновения, функционирования и развития;

– эмпирическая культурология (эмпирический уровень культурологии), или «Феноменология культуры», задачей которой является описание тех или иных явлений культуры в присущих им конкретных пространственно-временных формах, получение фактов и их эмпирических обобщений в качестве соответствующего базиса теории культуры и ее философского осмысления.

В рамках внешнего аспекта структурирование культурологии связано с рассмотрением целой системы онтологических отношений – «культура–природа», «культура–общество», «культура–человек», – и предполагает выделение соответст-

¹. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: «Прогресс-Традиция», 2000, с.14.

вующих научных дисциплин, формирующихся в качестве «переходных» между культурологией, – с одной стороны, и естествознанием, социологией, антропологией, – с другой стороны. В содержательном наполнении каждого из указанных взаимодействий различаются два равноправных и относительно самостоятельных «потока»: первый – идущий от культурологии к остальным подсистемам современного научного знания, второй – идущий от каждой из этих подсистем к культурологии.

Система «культура–природа» является онтологической основой для структуризации культурологии в ее взаимодействии с естествознанием. Здесь речь может и должна идти о статусном характере таких, уже заявивших себя в качестве научных, дисциплин, как «культурная экология» и «экология культуры», «культурная география» и «география культуры».

Как эпистемологическая проекция онтологической системы «культура–человек» выделяются культурная антропология и гуманитарная, или антропологическая, культурология, которые могут быть поняты как научные дисциплины, каждая из которых образуется на основе своего собственного и относительно самостоятельного «потока» во взаимоотношениях культурологии и антропологии. Исходной точкой их статусного определения является весьма тонкая, но очень важная специфика каждой из них: гуманитарная культурология – это наука о культуре в ее человеческом измерении, в ее «человечности», в то время как культурная антропология – это наука о человеке в его культурном измерении, в его «культурности».

На основе онтологической системы «культура–общество» выделяются такие научные дисциплины, как социальная культурология и социология культуры, каждая из которых может быть понята как имеющая свой собственный предмет изучения, фиксируемый с учетом того или иного ракурса в рассмотрении характера взаимодействия составляющих данную систему элементов: социальная культурология – это наука о культуре в ее социальной обусловленности, в то время как социология культуры (культурная социология) – наука об обществе в его культурной обусловленности.

§ 1.3. Культурология как теория и история культуры. Прежде всего, здесь следует отметить две наиболее часто встречающиеся тенденции: первая – сведение культурологии к теории культуры, вторая – сведение культурологии к истории культуры. Несмотря на очевидные различия того и другого подхода, каждый из них содержит в себе явную или неявную возможность противопоставления теории культуры и истории культуры как научных дисциплин. Дополнительным нюансом обоих подходов является трактовка истории культуры как дисциплины, непосредственно базирующейся на эмпирических данных. Кроме того, в значительной мере

дискуссионным остается вопрос о статусе истории культуры как научной дисциплины. Довольно часто ее место в общей системе научного знания определяется на основе статусных характеристик исторических наук (А.А. Веремьев, Л.П. Воронкова и др.). Ряд исследователей (Е.Я. Александрова, К.З. Акопян и др.) предлагает различать «историю культуры» как историческую дисциплину, и «историческую культурологию» как культурологическую дисциплину, другие же (И.И. Беспалько), напротив, рассматривают их как одну и ту же дисциплину.

С общеметодологической точки зрения, взаимоотношение теории предмета и его истории – сложный и двусторонний процесс: не только теория создается на основе изучения истории, через нее, но и историю предмета можно воссоздать лишь после того, как средствами теории выявлена сущность исследуемого предмета. Как писал Н.Г. Чернышевский: «Без истории предмета нет теории предмета; но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»². Насколько справедлив этот общеметодологический принцип применительно к изучению культуры?

С позицией исследователей, трактующих культурологию как историю культуры, можно отчасти согласиться в том, что фиксируемый ими образ теоретического постижения культуры пока еще весьма далек от того, чтобы претендовать на роль действительной методологии исследования культурно-исторического процесса. Этим, однако, не снимается вопрос о необходимости самой разработки более адекватной в этом отношении теории.

Отчасти можно согласиться и с позицией, трактующей культурологию как теорию культуры, поскольку в общеметодологическом плане не всегда при изучении тех или иных предметов и отношений действительности нужно воспроизводить историю их развития. Этим, однако, не снимается вопрос о критерии, необходимой и достаточной мере историчности исследования в пределах той или иной научной дисциплины вообще, культурологии – в частности.

По-видимому, отнюдь не случайно констатируется (М. Вебер, П.В. Копнин, Ж. Деррида, А.И. Пигалев, В.А. Щученко), что любое серьезное исследование культуры всякий раз неизбежно сталкивается со своеобразной проблемой «порочного круга»: чтобы теоретически воспроизвести сущность предмета, необходимо воспроизвести реальный исторический процесс его становления и развития, но последнее возможно только в том случае, если сама эта сущность нам уже предварительно известна.

². Чернышевский Н.Г. О поэзии // Полн. собр. соч. в XV томах. Т.II. – М: Гослитиздат, 1949, с.265.

Исходя из того, что любое определение культуры «неотделимо» от ее собственной истории (В.Ж. Келле, В.М. Межуев, А.И. Пигалев, В.В. Сильвестров и др.), культурология как наука о культуре может и должна пониматься в единстве ее теории и ее истории, а историю культуры как научную дисциплину было бы вполне логично рассматривать, во-первых, как собственно культурологическую, во-вторых, – в единстве ее теоретического и эмпирического уровней в изучении объективной истории культуры, и, в-третьих, – с учетом внутренней дифференциации культурологии, – как «переходную» по своему статусу между теорией культуры и феноменологией культуры.

Глава вторая «Становление и основные направления культурологии» посвящена рассмотрению процесса становления и оценке эвристического потенциала основных направлений концептуального представления культуры.

§ 2.1. Становление культурологии как науки. Рассмотреть процесс становления культурологии – значит, по сути дела, последовательно шаг за шагом проследить, как и когда знание о культуре возникло в качестве самостоятельной и специфической научной дисциплины. Адекватный анализ данного процесса оценивается как задача «повышенной трудности». Во-первых, в силу самой его объективной сложности и внутренней противоречивости. Во-вторых, в силу слабой проработанности в этом отношении надежных и, если уж не однозначных, то хотя бы более или менее определенных критериев и методологических процедур.

Чаще всего решение этой задачи сводится к характеристике взглядов на культуру тех или иных мыслителей в ту или иную историческую эпоху – в эпоху античности, эпоху средневековья, Возрождения, Нового времени и т.д. (Г.В. Драч). Не менее распространена характеристика рассматриваемого процесса, основанная на оценке так называемых «вкладов», внесенных в изучение культуры «различными научными направлениями». С этой точки зрения, в становлении культурологии как области научного знания принято выделять следующие периоды: этнографический (1800-1860), эволюционистский (1860-1895), исторический (1895-1925). При этом считается возможным фиксировать относительно «становления культурологии» то, что другие исследователи содержательно относят к «становлению культурной антропологии» (В.Е. Носов, Э.А. Орлова и др.).

Проблематичным остается вполне естественный и принципиальный в плане самоопределения любой науки вопрос об «отце», или «основоположнике» культурологии, в связи с чем и хронологические рамки процесса ее становления как научной дисциплины предстают достаточно противоречиво. Таковым считается то С. Пуфендорф, то И.Г. Гердер (Л.З. Немировская), то К.Г. Маркс (В.Д. Жукоцкий), то

Э.Б. Тайлор (М.Б. Туровский), то одновременно Ф. Боас, Э. Сепир и Б. Уорф (Е.В. Мордвинова), то Л.А. Уайт (В.А. Глуздов, И.И. Лукичева, А.А. Касьян).

Методологические основания исследования становления культурологии в качестве науки нуждаются в серьезной дополнительной рефлексии, как относительно категориального содержания понятия становления, так и относительно критериальных признаков науки как таковой и их специфического выражения на той или иной стадии ее становления. В связи с этим, конечно же, наибольший эвристический потенциал заключают в себе исследования, пусть пока еще немногочисленные, но нацеленные – каждое по-своему (М.С. Каган, В.И. Полищук, Т.В. Кузнецова) – на постижение внутренней логики процесса становления культурологии как науки о культуре.

Согласно диссертанту, исходной совокупностью инвариантных научному знанию критериев, формирующейся в классическом, а затем, так или иначе, воспроизводящейся в позднейших типах рациональности (Н.С. Автономова, В.С. Степин, С.Л. Кропотов и др.), является система «предмет – метод». Если у науки чего-либо в этом отношении нет, то ей или нечего изучать, если даже есть чем, или нечем изучать, если даже есть что. Поэтому возникновение предмета и метода, позволяющих в своей комплиментарности фактуально зафиксировать определенное объективное содержание и способ его познания и интерпретации – это рубеж, знаменующий возникновение науки в собственном смысле слова. Сам процесс возникновения того и другого, собственно говоря, и есть ее становление в качестве таковой. Все другие черты науки, фиксируемые в литературе (Н.В. Блажевич, В.В. Ким, И.Т. Касавин, Л. Лаудан, О.П. Огурцов, В.Н. Порус, А.И. Ракитов, С.В. Девятова, В.И. Купцов, В. Ньютон-Смит и др.), могут быть рассмотрены, во-первых, как производные от этих двух, и, во-вторых, как характеризующие уже определенное ее качественное состояние, как проявление того или иного типа научной рациональности и соответствующего ему уровня рефлексии.

Процесс становления предмета науки осуществляется под воздействием двух основных факторов: объекта и познавательной задачи. Взятый сам по себе, объект не является предметом науки, таковым он становится лишь в результате активной конструирующей деятельности субъекта, связанной с формулировкой определенной познавательной задачи, посредством которой как раз и происходит тот или иной «срез» в объекте. Являясь средством различения существенного и несущественного в объекте, постановка познавательной задачи является поэтому критерием его предметной спецификации (Р. Амезедер, В.А. Лекторский, Б.А. Старостин, В.П. Фофанов и др.). На основе разработки соответствующего познавательной задаче методологического инструментария формируется исходная система базисных

понятий науки, очерчивающая внешние границы и раскрывающая внутреннее содержание ее предмета.

Что касается метода науки, то в самом общем виде вряд ли сколько-нибудь серьезно может быть оспорено положение, что в системе научных методов единственно универсального, пригодного для решения любых познавательных задач, метода не существует, что каждый из них обладает как своими достоинствами, так и недостатками. Вместе с тем, в этом отношении следует все же полагать наличие некоего конституирующего элемента, вне и помимо которого система научных методов любой науки немислима именно как система. Таковым, вслед за Платоном, можно считать сравнение как методологическую процедуру, позволяющую, с одной стороны, «разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них», а с другой, – «охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения»³. В современной литературе данное положение оценивается как вполне корректное (И.Я. Лойфман, В.П. Фофанов, М. Фуко и др.). Задавая внутренний механизм саморазвития в исследовании того или иного предмета, удерживая его всегда в границах исходной самоидентичности при практически безграничных возможностях внутренней саморазличенности – и на уровне рассмотрения его строения (тождество и различие), и на уровне рассмотрения его функционирования (устойчивость и изменчивость), и на уровне рассмотрения его развития (преемственность и обновление), – сравнение является своеобразной «исходной клеточкой», содержащей внутри себя целый спектр разнообразного рода модификаций, реализация которых способствует формированию достаточно весомого и длинного ряда других методов научного познания.

Сопряжение двух основных моментов – постановки познавательной задачи и реализации в задаваемом ею исследовательском ракурсе эвристических возможностей метода сравнения – означает, что становление той или иной области знания в качестве науки, собственно говоря, в целом состоялось и «на повестку дня» выходит проблематика, связанная уже с ее развитием, с развертыванием исходной системы ее базисных понятий.

В процессе достаточно длительной эволюции объем и содержательное наполнение термина «культура» уточнялись и расширялись как, во-первых, за счет включения в мир культуры все новых и новых видов и результатов преобразовательной деятельности человека, так и, во-вторых, за счет работы абстрагирующей мысли, пытавшейся во всех многообразных формах явлений, соотносимых с куль-

³. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. - М.: Мысль, 1993, с. 176.

турой, выделить то общее, главное, что им присуще. Взятые в своем единстве и соотношенности, эти разнонаправленные тенденции являются глубинным внутренним противоречием данного процесса, предопределявшим и его содержание, и его характер.

Поскольку становление – более или менее длительный и дифференцированный внутри себя процесс (Г.В.Ф. Гегель, А.А. Матюшин, В.А. Вазюлин и др.), в становлении культурологии как науки можно выделить четыре основные стадии: первая, продолжавшаяся приблизительно до середины XVII века, – стадия формирования исходных предпосылок, основное содержание которой – фиксация и описание отдельных разнообразных форм проявления культуры; вторая стадия – примерно середина XVII века – стадия начала процесса становления, заключающаяся в выделении культуры в качестве самостоятельного объекта, подлежащего изучению; третья стадия – с середины XVII века до семидесятых годов XIX века – собственно процесс становления культурологии как науки, основное содержание которой – формирование предметных и методологических основ изучения культуры; четвертая стадия – семидесятые годы XIX века – стадия оформления культурологии как науки, имеющей свой собственный предмет, исходный методологический инструментарий и некоторую совокупность базисных понятий.

С семидесятых годов XIX века можно говорить о проблематике, связанной уже с развитием культурологии как науки о культуре.

§ 2.2. Основные направления концептуального представления культуры.

Практически необозримое множество точек зрения, сложившихся в изучении культуры, элементарно требует их упорядочения. В зарубежной и отечественной литературе попытки подобного рода предпринимались, причем неоднократно (А. Кребер, К. Клакхон, Д. Бидни, И.В. Кондаков, В.М. Межуев, Л.Е. Кертман, А.В. Павлов, А.А. Веремьев, П.А. Сапронов, Е.В. Мареева и др.).

Сколь бы ни были правомерными и продуктивными предложенные классификации, каждая из них построена относительно лишь какой-то отдельной стороны, определенного среза в рассмотрении культуры, не позволяя понять, что именно с позиции того или иного направления она представляет собой как более или менее целое, хотя бы в сопряжении таких ее основных параметров, как генотип, или порождающая сила, сущность, основные черты, субъект, основа возникновения, функционирования и развития. В значительной их части нет единого и достаточно строгого основания, критерия для выделения этих самых направлений. Ссылки же на «сложность и многомерность» культуры вряд ли могут быть здесь каким-либо «смягчающим обстоятельством», поскольку возвращают исследовательскую задачу теоретического характера в стихию хотя и захватывающей, но все же «беспросвет-

ной эмпирии». Методологические основания проблемы классификации основных направлений исследования культуры нуждаются в дополнительной рефлексии.

Простое эмпирическое наблюдение, как необходимый момент движения от абстрактного к конкретному, позволяет зафиксировать в существующих представлениях культуры исторически сложившееся и постоянно воспроизводимое некое «гнездо» понятий, из которых то или иное, как правило, принимается тем или иным мыслителем, во-первых, в качестве исходного при построении концептуального видения культуры, и, во-вторых, – в качестве предельного при объяснении ее сущности, а именно: «бог», «природа», «общество», «человек».

Исходя из этого, существующее многообразие подходов и определений культуры может быть сведено к четырем основным направлениям: теоцентризм, натуроцентризм, социоцентризм и антропоцентризм.

Как показывает анализ, у сторонников того или иного направления всегда находится определенный набор достаточно «убедительных аргументов» в отстаивании своей точки зрения, наиболее же перспективным в этом отношении является постановка более серьезной и сложной задачи – поиска и удержания определенного «момента истины» в каждом из них.

Наиболее естественной формой реализации данной методологической процедуры, казалось бы, могло быть индуктивное обобщение. Однако, во-первых, сама фиксация того общего, что присуще всем направлениям в рассмотрении культуры, – будь то ее «знаковость» (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский), «искусственные объекты и заученное поведение» (Э.А. Орлова) или «общий позитивный посыл приобщения человека к культуре» (Е.И. Дворникова) и т.п., – так или иначе, исходит из некоего приписываемого культуре набора признаков, один из которых, в силу принципиальной неполноты индуктивного обобщения как методологической процедуры, может быть объявлен в качестве конституирующего лишь на основании некоторых, в конечном счете, наперед заданных соображений. Всякое суждение, вынесенное на такой основе, вряд ли может претендовать на достоинство «необходимости и всеобщности», т.е. исключать из сферы истинности другие, в том числе, и прямо противоположные суждения. Во-вторых, индуктивное обобщение как методологическая процедура, выделяя нечто общее, что присуще всем направлениям в постижении сущности культуры, не позволяет учесть собственную специфику места и роли каждого из них в постижении этой самой сущности, если последнюю, конечно же, понимать как единство многообразного. Данная методологическая процедура возможна лишь на путях теоретического синтеза.

Принципиальная возможность системно-синтетического представления основных направлений исследования культуры обосновывается тем, что объект по-

знания – это всегда множество предметов познания, каждый из которых не только относительно самостоятелен и имеет такое же «право на существование», как и любой другой, но и требует для представления своего гносеологического содержания вполне определенных и относительно самостоятельных специфических форм. Следует также иметь в виду, что, поскольку познание любого объекта есть процесс, познание его предметных уровней также должно быть понято в качестве процесса, – процесса, в ходе которого по вполне определенной «логике» с необходимостью осуществляется переход от одного уровня к другому. Каждый предметный уровень может и должен быть представлен как вполне определенная ступень в процессе познания объекта, поднимаясь по которым исследователь получает возможность целостного его изучения.

В литературе представлены различные концептуальные схемы познавательного процесса. Диссертант исходит из того, что в самом общем плане процесс познания любого объекта может быть понят как включающий в себя, по крайней мере, три основные стадии постижения его предметного содержания (В.П. Кузьмин, В.Н. Сагатовский, Ф.А. Селиванов и др.): первая – фиксация объекта в его непосредственной данности, как существующего, как «имеющего место быть»; вторая – рассмотрение объекта в его соотнесенности с другими объектами и выявление на этой основе его отличий от них, его специфики, внутренней структуры и основных функций; третья – рассмотрение объекта в его развитии, от первоначальных до высших форм выражения, и выявление на этой основе его собственной «логики», тенденций и возможных перспектив.

Исследование такого сложного объекта, как культура, так или иначе подчиняется этой общей закономерности, а основные направления изучения культуры могут быть поняты как имеющие один и тот же объект – культуру, но на разных стадиях или уровнях ее процессуально развертывающегося предметного постижения: по своим эвристическим возможностям антропоцентризм в своем рациональном виде может быть соотнесен с первой стадией исследования культуры, натуро- и социоцентризм, соответственно, – со второй стадией, а теоцентризм – с третьей.

Исходные мировоззренческо-методологические принципы «культурологического тризма», собственно говоря, заключаются в том, чтобы рассматривать культуру в качестве «основопонятия», т.е. и как исходное, и как центральное, и как предельно объяснительное понятие; чтобы изучать культуру во всей ее полноте и сложности в качестве некоего целостного образования во всем многообразии форм его проявления; чтобы понимать и объяснять ее явления и закономерности, а также любые явления и закономерности бытия как такового, исходя из культуры, из ее сущности – тех внутренних противоречий и тенденций, которые ей присущи; чтобы иметь му-

жество всякий раз вновь и вновь ставить не только любое определение культуры, но и саму культуру как она есть под самую что ни на есть радикальную процедуру сомнения как некую далеко не окончательную на каждый данный момент реальность; чтобы, наконец, исходя из этого, не только выявлять действительные истоки и основания бытия человека, но и предвидеть, прогнозировать возможные «сценарии» и перспективы его развития.

Особенностью «основопонятий», согласно М. Хайдеггеру, является то, что они «суть определения, в которых лежащая в основании всех тематических предметов объектная область достигает предваряющей и ведущей все позитивное исследование понятности. Свое аутентичное удостоверение и "обоснование" эти понятия получают поэтому лишь в столь же предваряющем сквозном исследовании самой предметной области. Поскольку же каждая из этих областей получена из сферы самого сущего, такое предшествующее и создающее основопонятия исследование означает ничто другое как толкование этого сущего на основоустройство его бытия»⁴. Что, в свете такой постановки вопроса, представляет собой культура как реальность? Каково ее место в системе бытия как такового? Каково ее «основоустройство»? Каков исходный принцип ее сущностного постижения? Каковы ее основные виды, формы бытия и функционирования? Каковы механизмы ее воспроизводства? Каковы ее истоки и перспективы? – Таково содержание рассматриваемого во **второй части** диссертации «проблемного поля» онтологического аспекта концептуализации культуроцентризма.

Глава третья «Культура как реальность» посвящена рассмотрению онтологического статуса культуры, определению основных форм ее бытия и функционирования, видов и механизмов воспроизводства.

§ 3.1. Статус и «основоустройство» культуры. Ряд исследователей весьма скептически относятся к самой возможности какой-либо «онтологизации» культуры: «культура не имеет онтологической реальности» (М. Спиро), «культура – это категория (а не реальный объект), которая обобщает все классы объектов, созданных или освоенных человеком» (Э.А. Орлова). Среди тех, кто настроен на более позитивный подход к рассмотрению данной проблематики, культура рассматривается то как «часть природы» (Дж. Фейблман, А.И. Пушкарь), то как та или иная «часть общества» (Ф. Боас, Э.С. Маркарян, Б.С. Ерасов, Л.Е. Кертман), то как тот или иной модус «человеческого поведения» (Р. Линтон), «осуществления человеческой социальности» (А.Я. Флиер), то как «комплексная (природно-духовно-социальная) реальность» (Н.В. Мотрошилова, Т.С. Лапина) и т.д.

⁴. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Харьков: «Фолио», 2003, с. 26.

В ряде работ данная проблематика представлена как выявление и анализ основных типов онтологических форм бытия культуры: природного, антропологического, социального и т.п. (А.А. Веремьев, М.А. Капеко и др.).

В результате получается, что культура, имея, казалось бы, достаточно многообразные формы, или проявления в основных сферах сущего, оказывается лишенной своей собственной «онтологии», внутренне присущих ей форм бытия. Сводя культуру к тем или иным внешним формам ее проявления или к той или иной совокупности отличительных черт, признаков и т.п., такой взгляд, так или иначе, ставит под вопрос не только самую культуру как самостоятельную и специфическую реальность, но и возможность ее сущностного постижения. Фиксация и того и другого как методологическая процедура экспликации сущности вещи, позволяя указать на то, чем данная вещь не является и чем отличается от других вещей, способна очертить лишь некие внешние, но не внутренние параметры ее бытия в их сущностной необходимости (Э.В. Ильенков, А.Ф. Лосев).

В связи с этим обращают на себя внимание заключительные комментарии к дискуссии, проведенной «Вестником РФО» о современном состоянии и возможных путях развития отечественной и мировой философии, в которых среди основных проблем, требующих «прорыва» к «очередной Большой философии» (типа философии Платона, Аристотеля, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля), в области «онтологических идей» указываются «структурные уровни бытия» (А.А. Крушанов). Обращают на себя внимание и появившиеся в последнее время исследования, посвященные, во-первых, обоснованию необходимости существенного уточнения критериев выделения основных видов бытия и характера их соотношения друг с другом как по линии «культура–общество» (А.С. Ахиезер, Д. Бидни, Ю.М. Резник, В.С. Степин, Ю.М. Федоров и др.), так и по линии «общество–человек» (В.С. Барулин, А.В. Головнев), во-вторых, – обоснованию относительно самостоятельного статуса культуры в системе бытия как такового (Л.А. Уайт, В.В. Савельев и, в особенности, М.С. Каган). С этих позиций система бытия все более и более предстает как состоящая из четырех основных видов – природы, человека, общества и культуры.

Поскольку «бытие» в объеме своего содержания охватывает и материальное и духовное, методологическое значение данного представления заключается в том, что, «вписывая» культуру в структуру основных видов или форм бытия как такового, оно задает возможность исходного понимания ее «основоустройства» как сущностного единства материального и духовного. «Материальное – в духовном, духовное – в материальном» (Л.Н. Коган), – таково, если воспользоваться краткой формулой, «основоустройство» культуры, таковым, следовательно, должен быть и действительно исходный принцип ее сущностного постижения как специфической

и самостоятельной онтологической реальности. Следует лишь со всей определенностью подчеркнуть, что, говоря о самостоятельности культуры как вида бытия, нужно различать два аспекта: абсолютный и относительный. В первом аспекте фиксируется ее способность к самовоспроизводству и саморазвитию в пределах своей качественной определенности, во втором – ее способность к воспроизводству и развитию при наличии необходимых внешних условий. В рамках первого аспекта она предстает как имеющая субстанциональное основание своего существования внутри себя, в рамках второго – как имеющая генетическое и функциональное основание своего существования вне себя, в конечном счете, – в бытии как целом.

§ 3.2. Формы бытия и функционирования культуры. Все многообразие существующих подходов к определению форм бытия и функционирования культуры может быть сведено к четырем конкурирующим, а порой и резко противостоящим друг другу основным концепциям: «предметной» (Э. Дюркгейм, Э.Е. Платонова и др.), «нормативной» (К. Леви-Стросс, Б.С. Ерасов, А.Я. Флиер и др.), «аксиологической» (Г. Риккерт, Н.З. Чавчавадзе и др.), «символической» (Э. Кассирер, Ю.М. Лотман, П.С. Гуревич и др.).

В целом ряде исследований (В.Д. Губин, М.С. Каган, А.И. Кравченко, Т.С. Лапина, Т.И. Ойзерман, В.И. Полищук, Ю.М. Федоров, М.Н. Щербинин и др.) прорабатываются предпосылки и варианты системно-синтетического подхода к рассмотрению данной проблематики.

Адекватная фиксация форм бытия и функционирования культуры как методологическая процедура требует, во-первых, чтобы эти самые формы были не просто постулированы, но введены на некотором едином для каждой из них основании, исходя из которого только и может быть адекватно понята и ее специфика, и ее место среди всех других форм; во-вторых, чтобы это основание было не чем-то внешним по отношению к самой культуре, но, по крайней мере, имеющим отношение к внутреннему механизму ее бытия и функционирования.

Считая таковым основанием человеческую деятельность, диссертант, рассматривая основные ее трактовки (Г.С. Батищев, В.Д. Губин, М.В. Демин, В.Е. Давидович, М.С. Каган, В.А. Лекторский, К.Н. Любутин, Д.В. Пивоваров, Л. Николов, А.Л. Никифоров, М.К. Мамардашвили, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев, К.Г. Рожко, В.Н. Сагатовский, В.П. Фофанов, Б.Г. Юдин и др.), приходит к выводу, что более адекватно она осмысливается с позиции «S – OS/SO – O»-модели, где: S – субъект деятельности, O – ее объект, OS/SO – культура как ее срединный элемент, предпосылка и результат.

Если в своем действительном осуществлении культура предстает как единство объективированного субъекта и субъективированного объекта, то, следовательно,

любая форма ее бытия и функционирования также должна быть понята и представлена как единство того и другого, а специфика каждой из них – как тот или иной вид этого единства:

– «предметная» форма бытия и функционирования культуры («вещь», или совокупность дескриптивных значений) может быть понята как такой ее «явленный лик», при котором ее содержательное выражение как субъективированного объекта является доминирующим, превалирующим относительно ее содержательного выражения как объективированного субъекта;

– «нормативная» форма бытия и функционирования культуры («норма», или совокупность прескриптивных значений) может быть понята как такой ее «явленный лик», при котором ее содержательное выражение как объективированного субъекта является паритетным, или взаимосоответствующим, относительно ее содержательного выражения как субъективированного объекта;

– «аксиологическая» форма бытия и функционирования культуры («ценность», или совокупность эвалюативных значений) может быть понята как такой ее «явленный лик», при котором ее содержательное выражение как объективированного субъекта является доминирующим, превалирующим относительно ее содержательного выражения как субъективированного объекта;

– «символическая» форма бытия и функционирования культуры («символ», или совокупность трансцендентных значений) может быть понята как такой ее «явленный лик», при котором ее содержательное выражение как объективированного субъекта является бесконечно многообразным (синкретичным) относительно ее содержательного выражения как субъективированного объекта.

Артефакты, нормы, ценности и символы в их конкретно-историческом сочетании образуют систему основных форм бытия и функционирования культуры на всех этапах ее развития. Они не просто рядоположены и независимы друг от друга, а взаимосвязаны и субординированы, оказывают друг на друга определенное влияние. При этом в различные исторические периоды культуры то одна, то другая из них выступает в качестве ее конституирующего, или системообразующего элемента. Динамика соотношения основных форм бытия и функционирования культуры в ее конкретных модификациях приводит к утверждению внутри нее определенных, «доминантных структур» (В.П. Кузьмин), а сама культура, рассматриваемая в этом плане, выступает то как по преимуществу символическая, то как по преимуществу ценностная, то как по преимуществу нормативная, то как по преимуществу предметно-вещественная система. Данное обстоятельство, собственно, говоря, и находит – правда, односторонне – свое отражение в существующих концепциях форм бытия и функционирования культуры: символической, аксиологиче-

ской, нормативной и предметной. Важно, однако, иметь в виду, что и символы, и ценности, и нормы, и артефакты как основные формы бытия и функционирования культуры – всеобщие, хотя роль каждого из них, несомненно, различна на разных этапах ее истории. Существенно различны также и степень их развитости и реальное соотношение друг с другом. Господство же той или иной формы бытия и функционирования культуры никоим образом не означает отсутствия других ее форм, того или иного их самостоятельного значения. Более того, по мере развития культуры, смены ее «доминантных структур» роль каждой такой формы возрастает, по-видимому, не только относительно, но и – поскольку каждый такой раз культура приобретает в развитом виде еще одну форму своего бытия и функционирования – абсолютно, что приводит к расширению общего основания ее бытия и функционирования.

§ 3.3. Основные виды и механизмы воспроизводства культуры. Несмотря на то, что количество различных подходов к проблеме структуризации культуры достаточно велико (И. Витаньи, М.С. Каган, Л.Н. Коган, Л.А. Зеленов, В.И. Полищук, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко, К.Г. Рожко, А.Я. Флиер и др.), в этой области предстоит еще довольно трудоемкая работа. Специальной рефлексии требует, прежде всего, проблема оснований данной методологической процедуры.

Наиболее адекватным здесь, очевидно, является подход, при котором каждый вид культуры будет понят, во-первых, – поскольку культура в своей сущности есть единство материального и духовного, – как специфическое единство того и другого, а, во-вторых, – поскольку культура есть результат реализации сущностных сил человека, – как деятельная реализация той или иной сущностной силы.

Как методологическое требование, каждый из данных моментов является, по крайней мере, необходимым. Последний же, в силу насыщенности того эвристического потенциала (Г.С. Батищев, М.С. Каган, Л.Н. Коган, В.Л. Круткин, В.В. Орлов, Т.С. Васильева, А. Печчеи, А.А. Радугин и др.), который придается ему при анализе проблематики, связанной с выявлением механизмов воспроизводства культуры, требует особенно тщательной концептуальной проработки.

Исходя из того, что сущностные силы человека есть деятельные формы проявления его сущности, понятой как неразрывное единство материального и духовного, в диссертации выделяется три основных вида культуры.

Первый вид культуры коренится в деятельной реализации материально-практической сущностной силы человека и представляет собой такое единство материального и духовного, в котором главным, определяющим является материальное. Соответственно, он может быть обозначен как материально-практическая, или

практическая культура. Специализированным механизмом воспроизводства данного вида культуры является процесс обучения (научения).

Второй вид культуры коренится в деятельной реализации практически-духовной сущностной силы человека и представляет собой такое единство материального и духовного, в котором то и другое паритетно. Соответственно, он может быть обозначен как практически-духовная, или ценностно-ориентационная культура. Специализированным механизмом воспроизводства данного вида культуры является процесс воспитания.

Третий вид культуры коренится в деятельной реализации духовно-теоретической сущностной силы человека и представляет собой такое единство материального и духовного, в котором главным, определяющим является духовное. Соответственно, он может быть обозначен как духовно-теоретическая, или познавательная культура. Специализированным механизмом воспроизводства данного вида культуры является процесс образования.

С учетом их предметного содержания, виды культуры и присущие им специализированные механизмы воспроизводства могут быть конкретизированы посредством выделения образующих каждый из них конституирующих элементов, или «универсалий».

Материально-практическая сущностная сила человека, дифференцируясь в зависимости от объекта реализации, являет себя в определенности первых двух «универсалий» культуры: в качестве блага – как результат практического отношения человека к природе, и в качестве справедливости – как результат практического отношения человека к обществу. Обучение как специализированный механизм воспроизводства практического вида культуры является в своей глубинной основе процессом приобщения человека к миру блага и справедливости.

Практически-духовная сущностная сила человека, дифференцируясь в зависимости от объекта реализации, являет себя в определенности двух других «универсалий» культуры: в качестве красоты – как результат духовного отношения человека к практически преобразованной им природе, и в качестве добра – как результат духовного отношения человека к практически преобразованному им обществу. Воспитание как специализированный механизм воспроизводства ценностно-ориентационного вида культуры является в своей глубинной основе процессом приобщения человека к миру добра и красоты.

Что касается духовно-теоретической сущностной силы, то, по-видимому, поскольку и в случае теоретического отношения человека к духовно преобразованной им природе, и в случае теоретического отношения человека к духовно преобразованному им обществу, имеется одно и то же, а именно, познавательное отношение,

ее определенность не подвержена какой-либо дифференциации и являет себя в качестве такой «универсалии» культуры, как истина. Образование как специализированный механизм воспроизводства познавательного вида культуры является в своей глубинной основе процессом приобщения человека к миру истины.

Таким образом, человек конституирует, утверждает самого себя в мире по мере того, как, реализуя свои собственные сущностные силы, воспроизводит и творит мир культуры – благо, справедливость, красоту, добро, истину как собственные формы определения своей сущности, как основу своего, собственно человеческого бытия.

Осуществление человеком своего бытия в мире в качестве творца культуры не есть изначально данное, всегда самому себе равное состояние. Оно – развивающийся, конкретно-исторический процесс, имеющий свою собственную внутреннюю «логику», свои собственные закономерности. В содержании данного процесса достаточно определенно прослеживаются три культурно-исторических типа, которые, вслед за Н.Я. Данилевским и В.С. Соловьевым, могут быть охарактеризованы как «синкретичный», полагающий культуру в качестве единичной основы бытия человека, «частичный» («дифференцированный»), полагающий культуру в качестве особенной, или частичной основы бытия человека, и «целостный», полагающий культуру уже в качестве всеобщей основы бытия человека в мире.

Глава четвертая «Истоки и перспективы культуры» посвящена рассмотрению «культурного начала» в природе человека, основных этапов генезиса, динамики и перспектив развития культуры.

§ 4.1. Природа человека и культура. Данная проблематика, несмотря на обширную литературу (В.Д. Губин, Е.Н. Некрасова, П.С. Гуревич, В.П. Казначеев, Е.А. Спиринов, В.Л. Круткин, Дж. Лакс, Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов, Ю.В. Петров, С.Л. Рубенштейн, П. Тейяр де Шарден, Р. Фоули, Э. Фромм и др.), пока еще не получила сколько-нибудь однозначного и общепринятого представления. Ряд исследователей весьма скептически относятся к самой возможности какой-либо «онтологизации природы человека». Другая же их часть, напротив, так или иначе полагает ее как «имеющую место быть»: либо в качестве изначально неопределенной и загадочной; либо в качестве вполне определенного набора, конечного по своему числу, постоянных и неизменных начал; либо в качестве множественной, изменчивой, открытой и подвижной совокупности таковых; либо в качестве «причудливого» сочетания и того, и другого, и третьего. Вместе с тем, можно констатировать, что достаточно развернуто проработаны варианты двухкомпонентной модели «природы человека», наиболее распространенные из которых – «биосоциальная» (И.Т. Фролов, В.В. Орлов, В.Ф. Сержантов и др.) и «биокультурная» (М.

Шеллер, А. Гелен, Х. Плеснер, А. де Бенуа, П. Кууси, Л.П. Воронкова и др.). Первая модель имеет своим онтологическим основанием триаду «человек – природа – общество», вторая – триаду «человек – природа – культура».

В настоящее время весьма перспективным в методологическом отношении может быть признана разработка более многомерных и объемных моделей природы человека, ориентирующаяся на то, чтобы достигнутые в этой области результаты рассматривать не как альтернативные и антиномичные, а как взаимодополняющие друг друга (П. Фейерабенд), предполагая при этом «подлинную диалогичность в конструктивной полемике с другими подходами», «высокую ответственность и максимальную напряженность развертывания творческого потенциала собственной позиции», «перманентную самокритичность и открытость», «способность к совершенствованию и развитию» (В.С. Швырев). В связи с этим обращают на себя внимание исследования, в которых человек, взятый в «своей природе», трактуется как «космо-антропо-социо-природное существо» (Ю.М. Федоров) и даже как существо «космобиопсихосоциокультурное» (Ю.Г. Волков, В.С. Поликарпов).

В методологическом отношении более выверено, вслед за М.С. Каганом, исходить из того, что в содержании «природы» человека можно выделить три относительно самостоятельные и взаимосвязанные начала: природное (биологическое), – раскрывающееся в самоопределении человеком своего бытия в мире в качестве индивида; социальное, – раскрывающееся в самоопределении человеком своего бытия в мире в качестве личности; культурное, – раскрывающееся в самоопределении человеком своего бытия в мире в качестве индивидуальности. «Биосоциокультурная» модель природы человека включает в себе возможность более, нежели «биосоциальная» или «биокультурная», расширенного и многомерного онтологического основания, а именно: «человек – природа – общество – культура».

Признавая историческую модификацию «природы» человека, по-видимому, было бы крайним упрощением представлять ее как результат простого ряда последовательно следующих друг за другом, сменяющих друг друга и исключаящих при этом друг друга основных детерминант его бытия в мире. Человек изначально по своей «природе» есть биосоциокультурное существо, его «природа» – это и взаимодействие всех составляющих ее начал, и ее развитие как некоего целого за счет изменения этих самых начал, их соотношения друг с другом. Бытие человека в мире изначально детерминировано и природными, и социальными, и культурными факторами. Как «ступени бытия», природное – социальное – культурное не просто взаимодополнительные или рядоположенные друг относительно друга начала в «природе» человека, но в своей «слоистой» (Б.П. Вышеславцев) совокупности образуют вполне определенную – всегда конкретно-историческую – интегративную

целостность. Поэтому «каждая исторически данная эпоха» бытия человека в мире адекватно может быть понята как обусловленная действием одновременно всех трех детерминант, – и природной, и социальной, и культурной, а ее специфическое содержание – как специфический способ их соотношения, взаимосвязи друг с другом.

В методологическом отношении это означает, что антропогенез как процесс становления человека адекватно может быть осмыслен как одновременно и его натурогенез, и его социогенез, и его культурогенез. Вне и помимо этого весьма своеобразного «ко-генеза» становление, а затем и развитие человека просто-напросто не было бы возможно.

§ 4.2. Генезис и перспективы культуры. Несмотря на постулируемое постмодернизмом «недоверие в отношении метарассказов» (Ж.-Ф. Лиотар), проблема происхождения человека в сопряжении с проблемой генезиса культуры представляет и будет, конечно же, представлять неискоренимый интерес (Д. Джохансон, П. Тейяр де Шарден, М.Л. Бутовская, Л.А. Файнберг, Ю.И. Семенов, Р. Фоули, К.П. Гроувс, А.А. Нейфах, А.Я. Флиер, Л.П. Воронкова, Г.М. Нажмудинов, А.Г. Шустров, А.Ф. Еремеев, В.А. Шкуратов, М.Н. Эпштейн и др.). Поскольку эмпирический материал, имеющийся в этом отношении, крайне скуп и ограничен, – даже относительно первобытной культуры единственно надежным источником сведений являются археологические раскопки: исследования останков человека, орудий и продуктов его деятельности, – тем большую роль, следовательно, здесь призваны сыграть концептуальные модели, нацеленные на реконструкцию «логики» этого процесса. Не приходится сомневаться, что всякая такая модель – не более чем упрощенная, идеализированная схема. Важно, однако, чтобы она поддавалась процедурам «верификации» и «фальсификации», т.е. содержала бы в себе конкретные и, по возможности, более или менее наглядные параметры и характеристики исследуемой исторической и даже «доисторической» реальности.

Необходимо иметь в виду два принципиально важных соображения методологического характера: во-первых, всякое становление – внутренне противоречивый процесс, представляющий собою единство бытия и небытия (Г.В.Ф. Гегель): в процессе своего становления всякое нечто одновременно и существует, поскольку его формирование уже началось, и одновременно не существует, поскольку оно еще не завершилось; во-вторых, если сущность человека не дана ему сразу в полном, готовом виде, и, если процесс становления человека есть одновременно и процесс становления его собственно человеческой сущности (Ф. Энгельс), то, следовательно, каждая стадия становления человека есть в то же самое время и стадия становления

одной из подсистем его сущности в необходимой корреляции с вполне определенной стадией становления культуры.

Наиболее ранним из известных представителей рода *Homo* является, по-видимому, человек умелый, или *Homo habilis*, становление которого может быть понято как становление витально-волевой подсистемы сущности человека и соотносимой с ней «олдувайской культуры». Около 1,5-1,6 млн. лет назад на смену *Homo habilis* «пришел» *Homo erectus*, или человек выпрямленный, становление которого может быть понято как становление астрально-чувственной подсистемы сущности человека и соотносимой с ней «ашельской культуры». Около 0,4-0,2 млн. лет назад фиксируется переход к третьему историческому виду *Homo* – к *Homo sapiens*, т.е. к человеку разумному, становление которого может быть понято как становление ментально-разумной подсистемы сущности человека и соотносимой с ней «мустьерско-ориньякской культуры». Кроманьонцем, собственно говоря, завершается становление человека и его культуры и начинается исторический процесс его бытия в мире как «ставшего самим собою», «готового» существа.

В литературе представлены различные концепции бытия человека в мире и его культуры: циклическая (Дж. Вико, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилев и др.), линейная (Кондорсе, Э.Б. Тайлор, Л.А. Уайт и др.), маятниковая (Вольтер, Й. Хейзинга, П.А. Сорокин и др.), спиралевидная (Г.В.Ф. Гегель, К.Г. Маркс, В.С. Соловьев и др.), ковариантная (К. Ясперс, А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко и др.), ризомная (Ж. Делез, Ф. Гваттари и др.), синергетическая (М.С. Каган, Ю.М. Лотман, В.В. Мельник и др.). Их анализ – специальная и выходящая за рамки исследования проблема. В методологическом же плане наиболее емкий эвристический потенциал будет, очевидно, присущ той из них, которая позволила бы не только выделить и осмыслить в этом отношении основные исторические этапы, но и наметить возможные тенденции и перспективы. В своем содержательном наполнении «несущую конструкцию» такой модели с необходимостью должно составлять представление о биосоциокультурной природе человека, разворачивающейся в историческом контексте в соответствии с категориальной триадой «единичное – особенное – общее».

С этих позиций, исторически первая эпоха бытия человека в мире – эпоха преимущественно природной детерминации. Ее истоки фиксируются с момента появления человека на земле как ставшего, «готового» существа. В структуре «природы» человека уровень общего в данную историческую эпоху принадлежит природному началу. Социальная и культурная детерминанты бытия человека в мире здесь, конечно же, действуют уже с самого начала, но как подчиненные детерминанте природной, или, выражаясь более точно, как особенное и единичное по от-

ношению к общему. В культурологических исследованиях эта эпоха чаще всего обозначается термином «архаика» и его производными.

Исторически вторая эпоха бытия человека в мире – эпоха преимущественно социальной детерминации. Соответственно, в структуре «природы» человека уровень общего в эту историческую эпоху принадлежит социальному началу, а уровни особенного и единичного – культурному и природному. Данная эпоха и есть, собственно говоря, то, что обозначается термином «цивилизация». Ее истоки достаточно явственно фиксируются примерно с 8-10 тысячелетия до нашей эры (В.М. Массон, В.А. Шнирельман и др.). Что касается завершающих границ этой эпохи, то их более или менее точное определение пока еще проблематично, хотя, по всей видимости, можно полагать, что она исчерпала свой позитивный творческий потенциал, или, в крайнем случае, близка к этому, свидетельством чего как раз и является порождаемая ею «дурная бесконечность» все более и более чудовищных проблем, ставящих под вопрос не только развитие, но и само бытие человека в мире как таковое, в том числе и как творца культуры.

История человечества, однако и вопреки наивно просветительскому представлению, не есть только лишь «история цивилизаций», а цивилизация вовсе не является «наивысшей культурной целостностью» (А.Дж. Тойнби, С. Хантингтон), тем более цивилизация не есть «логическое следствие, завершение и исход культуры», ее «старческий возраст», представляющий собой переход к небытию, к окоченелости и умиранию (О. Шпенглер). Кризис цивилизации даже на ее высшей – буржуазной – стадии, это кризис «всего лишь» конкретно-исторической, социально-детерминированной формы культуры. Вполне логично предположить, что подобно тому, как эта последняя в свое время сменила природно-детерминированную форму культуры, на смену ей, в свою очередь, приходит исторически третья эпоха бытия человека в мире, – эпоха преимущественно культурной детерминации, всеобщность которой, опять-таки, будет означать не устранение природной и социальной детерминант как таковых, но существенное ограничение меры их действия уровнями особенного и единичного.

Грядущей эпохе истории человечества, если, конечно, ей суждено состояться, как раз и предстоит стать эпохой культуры в её всеобщей и собственной форме во всей своей чистоте и подлинности; эпохой самоопределения человеком своего бытия в мире в качестве индивидуальности. Все преграды на этом пути – в самом человеке; силы, способные их преодолеть, – тоже в нем.

В **«Заключении»** подводятся итоги исследования, которые в виде основных положений выносятся на защиту, намечаются перспективы дальнейшей научной деятельности в рамках избранного направления.

Объем порожденных или актуализированных данным исследованием проблем мировоззренческо-методологического характера достаточно обширен. Среди них наиболее значимыми и первостепенными, по мнению диссертанта, являются следующие:

Если в своем действительном осуществлении культура вполне адекватно предстает лишь как единство объективированного субъекта и субъективированного объекта, то, следовательно, ее реальность «неуловима» ни в качестве отдельно взятого самого по себе «объекта», ни в качестве отдельно взятого самого по себе «субъекта», ни даже в качестве какого-либо единства того и другого, будь это взятый отдельно сам по себе «субъективированный объект» или «объективированный субъект». В связи с этим, во всей своей остроте актуализируется проблематика, связанная с оценкой эвристического потенциала как объектно-, так и субъектно-акцентированных методологических программ и установок в исследовании культуры (феноменология, психоанализ, структурализм, герменевтика, монадология и т.д.);

Специального и развернутого исследования требует принципиальная и важная во всех отношениях проблема происхождения культуры как вида бытия. В связи с этим, в частности, тщательной проработки требует идея М.Н. Эпштейна о «самозарождении» культуры. Парадоксальность данной идеи очевидна: если культура «зарождает» саму себя, то до момента своего «зарождения» ее быть не должно, поскольку она саму себя еще не «зародила», хотя для того, чтобы саму себя «зародить», она, казалось бы, с необходимостью должна быть до момента своего «зарождения», иначе никакого «зарождения» как «самозарождения» не состоится. Решение данного парадокса, остающегося вот уже в течение нескольких лет вне поля зрения серьезных исследовательских интересов, по-видимому, возможно, если, во-первых, четко различать абсолютный и относительный аспекты самостоятельности культуры как вида бытия, во-вторых, предполагать в этом отношении их некоторое – субстанционально-генетическое – единство.

С учетом внутренней дифференциации культурологии как науки о культуре, ее взаимосвязей с другими сферами научного знания и образованием на этой основе «переходных» дисциплин, более детального и многоаспектного исследования требует процесс ее становления и развития.

Предложенный в диссертации подход, безусловно, подлежит дальнейшей разработке и тщательной коррекции. Однако, сама проблема концептуализации мировоззренческо-методологических основ постижения культуры, решение которой исходит из необходимости и возможности системно-синтетического подхода, является, независимо от конкретных результатов, актуальной и может послужить до-

полнительным стимулом для дальнейших и, надо надеяться, продуктивных дискуссий.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии и учебные пособия

Ларин, Ю.В. Прологомены к культурологии: монография. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. – 144 с. [9 п.л.].

Онто-логика культуры: монография. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004. – 164 с. [10,25 п.л.].

Методические указания к изучению курса «История философии». Часть I. Античная философия. – Тюмень, 1988. – 25 с. (в соавт.). [0,5 п.л.].

Бытие и небытие: учеб.-метод. пособие – Тюмень, 2004. – С. 4-19. [0,9 п.л.].

**Коллективные монографии, статьи, рецензии,
материалы докладов и сообщений**

Н.Г. Чернышевский о предмете и специфике философского знания // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. – М., 1980. – Вып. 8. – С. 10-21. [0,75 п.л.].

Категориальный статус понятия «освоение» // Социально-философские проблемы освоения новых территорий: сб. науч. тр. – Тюмень, 1988. – С. 4-10. [0,4 п.л.].

Проблема разума и веры в духовной жизни Древней Руси // Письменность и книгопечатание: материалы науч. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита и 200-летию книгопечатания в Сибири. – Тюмень, 1989. – С. 7-9. [0,2 п.л.].

Культура как результат и предпосылка освоения природы // Связь и отношение: проблемы Западной Сибири: тезисы науч. конф. (март 1990 года). – Тюмень, 1990. – С. 130-132. [0,2 п.л.].

Диалектика форм освоения // Ценности процесса освоения: сб. науч. тр. – Тюмень, 1990. – С. 4-8. [0,3 п.л.].

Истина как единство многообразного // Теория и экология разума. – Тюмень, 1991. – С. 185-188. [0,25 п.л.].

Человек как сущее // Синтез искусств: философия, литература: материалы межвуз. науч. конф. – Тюмень, 1992. – С. 15-17. [0,2 п.л.].

Н.Г. Чернышевский о природе философии // Философская культура и синтез социального знания. – Тюмень, 1992. – С. 34-39. [0,4 п.л.].

Человек как целостное существо // Теория и экология разума. – Тюмень, 1992. – Вып. 2. – С. 41-47. [0,4 п.л.].

Типизация культуры как методологическая проблема // Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы междунар. науч. конф. Ч. I. Культура и культурное наследие. – СПб., 1993. – С. 18-20. [0,2 п.л.].

Проблема целостности человека // Проблема духовности человека в раскрывающихся горизонтах отечественной философии: материалы межвуз. науч. конф. – Челябинск, 1993. – С. 4-9. [0,3 п.л.].

Методологические проблемы взаимоотношения культур контактирующих этносов // Культура. Разум. Искусство: материалы межвуз. науч. конф. – Тюмень, 1994. – С. 41-48. [0,4 п.л.].

Проблема субъекта культуры // Традиции: культура и образование: материалы науч.-метод. конф. – Тюмень, 1995. – Т. 2. – С. 5-8. [0,2 п.л.].

Проблема соотношения философии, науки и религии в творческом наследии Н.Г. Чернышевского // Теория и экология разума. – Тюмень, 1995. – Вып. 3. – С. 49-53. [0,3 п.л.].

Культура в системе детерминант бытия человека // Теория и экология разума. – Тюмень: СофтДизайн, 1996. – Вып. 5. – С. 23-30. [0,4 п.л.].

Культура как основа бытия человека // Культура малой деревни. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997. – С. 6-8. [0,2 п.л.].

Проблема сущности культуры: основные направления и уровни исследования // Культура: образ и образование: материалы Всерос. науч.-метод. конф. «Культура: личность и общество» (Тюмень, 21-23 марта 1996 г.). – Тюмень, 1997. – С. 6-7. [0,15 п.л.].

Феномен культуры: основные направления и уровни исследования // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры: сб. науч. работ. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1997. – Вып. 3. – С. 3-5. [0,2 п.л.].

К вопросу о «природе человека» // Человек в истории: теория, методология, практика: тезисы докл. Рос. конф. – Челябинск, 1998. – Ч. II. – С. 27-28. [0,15 п.л.].

Основные виды сущностных сил человека и их специфика // Социокультурные и культурологические аспекты развития Западной Сибири (теория и практика): материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 24-26 марта 1998 года). – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999. – С. 223-240. [1,0 п.л.].

Проблема структуры культурологии // Теория и экология разума. – Тюмень, 1999. – Вып. 7. – С. 3-12. [0,6 п.л.].

Природа человека и проблема перспектив культуры // Культура и экономика региона: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Культура. Литература. Искусство. Регион» (Тюмень, 13-14 апреля 2002 г.). – Тюмень, Изд-во ТюмГУ, 2000. – С. 18-28. [0,8 п.л.].

Культура и «природа человека» // Культура как способ бытия человека в мире: материалы II Всерос. конф. (Томск, 12-14 окт. 1998 г.). – Томск: Изд-во НТЛ, 2000. – С. 12-14. [0,2 п.л.].

Проблема модели человеческой деятельности // Теория и экология разума: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Тюмень, 13-14 апреля 2000 г.). – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. – Вып. 8 – С. 120-129. [0,65 п.л.].

Статус и предмет культурологии // Теория и экология разума: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Язык культуры и культура языка» (Тюмень, 15-16 марта 2001 г.). – Тюмень: Вектор Бук, 2001. – Вып. 9. – С. 9-20. [0,7 п.л.].

Проблема перспектив культуры // Материалы интернет-конференции, организованной Институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса) – Россия и Российским институтом культурологии Министерства культуры РФ с 1 ноября по 30 декабря 2002 года на тему «Историческая культурология: предмет и метод» на информационно-образовательном портале. Режим доступа: www.auditorium.ru. [0,3 п.л.].

Культура и ее виды / Отв. ред. К.Г. Рожко. – Тюмень: Вектор Бук, 2002. – С. 3-51. [3,5 п.л.].

Проблемы изучения культуры в Баденской школе неокантианства // Художественная культура как феномен: материалы регионал. науч.-практ. конф. (Тюмень, 11-12 апреля 2002 г.) – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. – С. 35-36. [0,15 п.л.].

Сущность человека как система // Проблемы философии права и государства: сб. науч. ст. – Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД РФ, 2003. – Вып. 2. – С. 31-37. [0,6 п.л.].

Проблема структуры культурологии // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. – 2003. – № 3. – С. 4-12. [0,7 п.л.].

Проблема эйдоса культуры // Загадки жизни и парадоксы познания: сб. ст. к Всерос. конф. (Тюмень, 31 мая 2003 г.). – Тюмень: Вектор Бук, 2003. – С. 27-33. [0,35 п.л.].

Проблемы формирования культурного пространства Тюменской области // Нефть и газ Западной Сибири: материалы международ. науч.-техн. конф., посвященной 40-летию Тюм. гос. нефтегазового ун-та (Индустриального института). – Тюмень: Изд-во ТГНГУ, 2003. – Т. 3. – С. 3-4. [0,15 п.л.].

Кадры для учреждений культуры // Кадры 2010: Профессиональное образование в Тюменской области: анализ и прогноз. – Тюмень: Вектор Бук, 2003. – С. 137-154. [1,0 п.л.].

Проблема системного представления форм бытия культуры // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: материалы I Международ. на-

уч. конф. (Нижевартовск, 17-18 декабря 2003 г.) / отв. ред. В.И. Полищук. – Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. пед. ин-т, 2003. – С. 19-21. [0,2 п.л.].

Состояние, динамика и подготовка кадров для учреждений культуры юга Тюменской области // Социально-культурное пространство региона: материалы регионал. науч.-практ. конф. «Региональная культура» (Тюмень, 17-18 апреля 2003 г.). – Тюмень: Вектор Бук. – 2004. – С. 133-141. [0,5 п.л.].

Кадры для учреждений культуры // Кадры 2010: Профессиональное образование в Тюменской области: программа модернизации. – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – С. 126-133. [0,4 п.л.].

Проблема онтологии культуры // Вестн. Тюм. гос. ун-та. – 2004. – № 2. – С. 3-13. [0,75 п.л.].

Лапина Т.С. Философия культуры: вариант понимания. – М.: Профобразование, 2003. – 255 с. // ВЕСТН. Рос. филос. о-ва. – 2004. – № 2 (30). – С. 180-181 (рец.). [0,15 п.л.].

Взаимодействия в культуре / отв. ред. К.Г. Рожко. – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – С. 25-28. [0,2 п.л.].